

# Сергей Новиков: Мои Истории.

## Понтрягин в худший период своей актив- НОСТИ (1970-1980 годы)

*Лет 10 назад мой друг, живущий в Израиле уже много лет, спросил меня о Понтрягине и переслал письмо о Понтрягине, опубликованное на Западе в конце 1970х годов. Он попросил меня прокомментировать. Это была переписка по e-mail, по английски. Поэтому мои комментарии оказались написаны на плохом английском. Я счел нужным сейчас приготовить русский текст.*

Письмо об антисемитской активности Понтрягина, опубликованное в те годы на Западе, очень интересно. Мое личное знакомство с тогдашней ситуацией в советском научном сообществе уникально. Западные люди вообще плохо знали внутреннюю кухню этих дел в СССР, не отличали кукол от ловких кукловодов, скрывающих лицо. Даже когда и те и эти были математиками, хорошо им известными по работам, Запад предпочитал осуждать только тех, кто был засвечен публично. Это естественно. Они видели то, что им показывали. К сожалению, административная верхушка советской математики тех лет в отличие от физики доминировалась (за исключением Петровского) людьми талантливыми, но глубоко отравленными каким-то мерзким антиинтеллигентским духом, смакованием причиненными гадостями. Это не относится к Боголюбову, но он был тогда в стороне, среди физиков, как администратор. Да и в СССР тех лет в новом поколении кроме меня почти не было независимых людей, имевших возможность это знать изнутри. Я был связан тысячью нитей со всеми сторонами. Среди тех, кто служил математической верхушке было немало скромных по положению людей отнюдь не восхищавшихся происходящим. Они подчинялись как молчаливые исполнители приказов, но себя ответственными не считали—и были рады побеседовать с кем-то, кто не засветит публично (это важно—американцам здесь нельзя доверяться), не донесет и не обвинит, поймет что мерзавец здесь не ты, молчаливый исполнитель приказа, а тот который рвется вперед, активист. Такая мораль была прочно вбита нам в голову большевизмом прямо с 17 года. А если кто и сомневался, Сталин таких доубедил в 30е

годы.

При этом мое положение было исключительным как человека независимого, защищенного членством в Академии, наградами как в СССР, так и в мировом сообществе, которое наши мат кукловоды всячески старались принизить, – даже Понтрягин, угождая им, пару раз твякнул против меня что-то псевдонаучное в 1970х, угождая кукловодам. Это освобождало мне руки для их публичного разоблачения. Но Понтрягин дело особое. Только я начал собирать материал, чтобы ему отплатить, высветив приоритетные дыры в его работах, как главный кукловод, стоявший над Виноградовым, умер, и Понтрягин быстро перешел на сторону поддержки лично меня, оставаясь впрочем антисемитским общественным деятелем в советской математике. Эти люди, особенно Виноградов, охотно, с удовольствием преследовали тех, кто не защищается, не отплатит в ответ. Он явно получал удовольствие от страданий жертвы. Я бы считал его сумасшедшим.

*Мой друг 13 летний рефужник Соломон Альбер говорил мне в 1970х годах: У тебя советская школа выбила понимание и любовь к русской литературе 19 века. Салтыков-Щедрин – это гений. Прочти заново. Образ Иудушки глубокий, не напоминает он ли наших главных математиков – Виноградова и его кукловода? Он получают удовольствие от страданий людей ими причиненных.*

Понтрягин же – это другое, он кусал как крокодил, эмоций не чувствовал, в нем просто отсутствовал гуманизм.

Связь с кругом физиков-теоретиков несомненно была главной базой моей прочности тогда. Поэтому я полагаю, что мое свидетельство предстает исторический интерес.

Понтрягин несомненно стал работать антисемитом с 1968, продав душу кукловодам для того чтобы "управлять математиками" – он безумно этого жаждал, а его не приглашали ранее, зная о его административной примитивности, отчасти связанной со слепотой.

*Как сейчас помню, в 1964 году Понтрягин орал на одном из первых митингов новосозданного Отделения Математики АН СССР, отрезанного от физиков: Мы должны управлять математиками.... Марков (младший) выступил и медленно сказал: Академики управляют членами -корреспондентами. Члены-корреспонденты управляют докторами. Доктора управляют кандидатами, и так далее. –Общий хохот.*

Он понадобился им, начиная травлю после 1968 года, чтобы публично брать на себя их грязь. Именно так они решили использовать его славу. Не

сомневаюсь, что зависть к его замечательному таланту и уникальному положению слепого ученого такого класса в истории математик тоже играла роль в их намерениях дать ему полную возможность замазать себя грязью.

Позвольте мне рассказать несколько относящихся сюда эпизодов

1.Понтрягин и западное письмо. Гриша Моргулис.

2.Понтрягин и смерть Петровского. Сахаров.

3.Понтрягин и Болтянский. Сыграл ли Болтянский роль в развитии антисемитизма Понтряина?

1.Понтрягин и Западное Письмо. Гриша Моргулис.

В 1979 году я жил в Москве на улице Губкина, занимая 2 квартиры 38 и 39 каждая по 2 жилых комнаты. Известный плазменный физик Роальд Сагдеев жил рядом на Губкина 7 тоже занимая две квартиры из 2х и 3х комнат жилых соответственно. Он был уже академик, а я только член-корр АН СССР, мое жилье было чуть поменьше.

Был конец лета, начали съезжаться физики и математики—участники знаменитого Советско-Американского Киевского Воркшопа по Теории Солитонов, состоявшегося в Сентябре. Это был замечательный воркшоп. В нем участвовало много звезд математики и теор физики СССР и США. К сожалению, через несколько месяцев сотрудничество прервалось на десятилетие из-за начала афганской войны. Я уже собирался выезжать завтра в Киев.

Уже вечер. Раздался звонок. Говорит Сагдеев: у меня сидит мой старый друг Мартин Крускал. Он летит в Киев через Москву и хочет с тобой переговорить. Зайди ко мне, если можешь, сейчас.

Захожу к Сагдееву. Крускал обратился ко мне: У нашей редколлегии проблема с Понтрягиным. Мы хотим Вашей консультации. Мы опубликовали письмо о деятельности Понтрягина. Он написал опровержение и требует публикации. Что делать?

Крускал показал мне их письмо и ответ Понтрягина. Понтрягин писал примерно следующее: В Вашей публикации имеется ряд утверждений (кажется, около 10) о моей полной ответственности за действия Национального Комитета Советских Математиков перед Международным Мат Конгрессом 1978 года, часть их не соответствующих действительности. Я признаю достоверность только трех из них. Рассказывая эту историю людям много лет, я забыл детали ряда из этих обвинений, при-

вода только одно—и его я помню хорошо.

Понтрягин пишет, что согласно их утверждению, именно он давил на членов Национального Комитета Советских Математиков, заставил их принять решение об отказе новому Филдсовскому Медалисту и моему другу Грише Моргулису в поездке на Конгресс. Кстати, много позднее нам вместе с Гришей Присудили Премию Вольфа в Израиле за 2005 год. Особо говорилось о давлении лично Понтрягина на членов Национального Комитета, представляющих Союзные Республики (нацменов).

*Замечу кстати, что мне тоже отказали в 1970 году в поездке на Конгресс в Ницце, когда я стал первым советским Филдсовским Медалистом, правда сумели провернуть без международного шума и умно молчали в Ницце о причине моего невыезда. Возможно, что-то врал. Видимо, тогда еще на Западе думали, что свои поддерживают своих, тем более что советским членом Филдсовского Комитета был тогда Шафаревич, и он за меня голосовал. У западных лидеров математики не было еще опыта общения с мерзавцами из верхушки нашей математики в отличие от 1978 года. Понтрягин в моем случае был не причем—играли другие. Кроме того, у моих работ уже был в 1970 году высокий уровень официального признания в СССР, так что гадить мне надо было тихо и без шума, без вовлечения властей. Они это и сделали ссылаясь перед нами на запрет властей в связи с подписанием мной письма в 1968 года защиту известного диссидента-математика Есенина-Вольпина, насильно посаженного в психушку. Они меня лодят. но... Власти! Я поверю, а как я узнаю правду? Запрет, однако, был их, как позднее я выяснил. Его причиной была зависть, жажда принизить. Запрета от партийных властей не было. Они рекомендовали в таких случаях пригласить и дружески перевоспитывать, особенно при Брежнев, который не был злым. Я не был диссидентом. Не еврей. Их цель была не говорить со мной, а навесить мне лапшу на уши. Был тайный личный донос Виноградова как директора Стекловки среди необходимых бумаг, что исключало поездку. Это скрывалось. Разоблачение этого мною, когда я получил информацию из Ленинского Райкома КПСС, привело к тяжелой ссоре с Виноградовым, с большими последствиями в последующие годы. В подобных ситуациях не надо изображать из себя жертвенного тельца, молчаливо покоряясь. Это не мой путь. Я считал так: не отвечай сразу, молчи и жди, когда будут открыты у твоего врага слабости, и атакуй его публично тогда.*

*С Гришей было иначе. Он был скромн, неактивен общественно, не*

подвергался рекламе в СССР. Да и на Западе сверхрекламью него не было до Медали. Лишь лучшие эксперты резко его выделяли. Один из них, знаменитый математик Титу, мне говорил об этом много лет спустя, когда мы вспоминали эти события. Но это и есть главное свойство Медали Филдса, отличающее ее от других наград. Решают тайно лучшие Эксперты, без шума, подобно массовым выборным кампаниям, - кто же есть лучшие в мире математики моложе 40 лет? Новые в пределах 1-2 лет, но уже проверенные работы могут быть важны. Гриша в СССР не был еще доктором наук - для евреев-математиков резко усилились трудности тогда. Мы провели его в доктора только в 1984 году. Мало кто знал у нас в середине 1970х о его замечательном таланте. Я уже раньше обратил внимание на его талант и компетенцию, особенно в Геометрии. Мы общались в семинаре Гельфанда. Гриша мне кое-чем помог. Ни одна группа математиков Москвы, даже еврейская, об нем не шумела. Наверное, это должен был были бы делать Пятецкий-Шапиро но Пятецкий никогда не шумел, проку в этом от него не было, а Шафаревичу Гриша был чужим, в отличие, скажем, от Жени Голода, да и Шаф уже тогда в отличие от 1964 года сбрендил от антисемитизма. Происхождение Гриши из круга Синая плюс склонность к геометрии, возможно, делало его научную идеологию отличающейся от Пятецкого и особенно от Шафаревича. Мало кто знал Гришу, годы 1976-8 были острыми особенно у математиков, это не 1964-6 идеалистические годы. Эти годы в любом случае исключали его как еврея из возможных наград в СССР, кроме нашей Премии Московского Мат Ощества для молодых математиков. Злобный антисемитизм математической верхушки АН СССР превосходил государственный антисемитизм намного. Это ярко вылилось в дискуссиях о книгах физиков в 1970х годах. Гришина Медаль была им неожиданностью. Понтрягин, однако, перед скандалом спросил тайно Шафаревича, и тот сказал ему, что работа на Медаль Филдса не тянет. Понт не хотел просто скандалить без научного обоснования хотя бы для себя самого. Откуда я это знаю? Шафаревич сказал это и мне весной 1978 года. - Хорошая работа, как раз на Государственную Премию. - Не на Ленинскую - спросил я. Нет - сказал Шафаревич. - Почему же тогда - спросил я - Борель, Сельберг и Вы так бешено рекламировали эту проблему? -. Ну, тогда так казалось - ответил он, - но эти ожидания не подтвердились. - Почему же - спросил я - Он решил эту проблему неизвестными Вам методами, пришедшими со стороны, из динамических систем. Вы даже не зна-

ете доказательства. Это выглядит как крупный успех.—Ну, может быть, не знаю—сухо сказал он и ушел. Я знал эти штучки. Ряд лет назад, когда Шафаревич был другим, он рассказывал мне о докторской защите известного малограмотного в математике жулика и мерзавца Маржанишвили, которого Виноградов и Келдыш сначала сделали членом в 1964 году вместо Арнольда и Ладыженской, а потом и академиком в 1974 году в период высшей деградации математической администрации Академии. Он у них в частности занимался подделкой бюллетеней на разных выборах. Что сделано в диссертации—спросил я Гельфонда—(Шафаревич). —Проблема Гильберта—ответил Гельфонд.— Это Вы говорите об оценке Харди—Литтльвуда с самым грубым остаточным членом?— (Шафаревич)—А, так Вы знаете— протянул Гельфонд. —Он не знал, что я перед этим для себя учил аналитическую теорию чисел—сказал мне Шафаревич. Со мной Шафаревич сам хотел сыграть ту же игру, думая что я не знаю. Это уже было не первый раз. Раньше он также говорил о Винберге, в частности, Понтрягину, да и мне, но я проверил и разоблачил, что он врет, как врал и Гельфонд (выше). Кстати, и Гриша и Винберг очень огорчились, не хотели верить, что про них тайно говорил Понтрягину Шафаревич. Им было комфортнее думать, что это только чистая злость Понтрягина. Но Понт был сложнее. Шаф же сбрендил от антисемитизма. В случае Гриши, наверное, и от ревности.

Это неправда—писал Понтрягин. Я не Председатель Национального Комитета, голосование было единогласным. Я признаю 1/24 долю ответственности за это решение.

*Добавлю от себя, что наименее в Национальном Комитете включая прибалтов были всегда трусливо ультрадисциплинированы, так что давить не надо было.*

Что Вы думаете—спросил Крускал. Я ответил, что здесь Понтрягин прав—Председатель Виноградов, а не Понтрягин, он и несет полную ответственность. К тому же он и есть главный пакостник, организатор государственного антисемитизма в математике еще с конца 1940х годов, но ловко кладет все на Понтрягина сейчас. Виноградов —редкостный мерзавец и человеконенавистник, делает карьеру на антисемитизме с 1940х годов. Понтрягин вступил в их ряды только в 1968 году, и он крикун, а тот ловок, настоящий дьявол, злодей. пьющий кровь тайно, в темноте. Он хочет скрыть свою роль от мировой общественности.

**Запад опубликовал ответ Понтрягина.**

Это вызвало злобу,—Как, Понтрягин нарушил их дисциплину, стал отвечать! Именно это вызвало у меня одобрение. По линии КГБ положили все грехи на Понтрягина, отлучили Понтрягина от всех международных дел, оставив ему внутреннюю травлю евреев и физиков в Издательстве Наука. Видать, Виноградов был реальным доверенным лицом в каком-то подотделе КГБ, которому была поручена борьба с евреями, а Понтрягин просто нанятым крикуном, чего он не понимал.

Кстати, Грише уже присудили Филдсовскую Медаль, когда Потрягин скандалил якобы по поручению НацКомитета перед Конгрессом 1978 года, это было уже решено и окончательно утверждено без протестов со стороны представителя СССР. Скандал Понтрягина был демонстративным и беспочвенным. Он подставлял только себя, брал на себя всю грязь. При этом в работе Филдсовском Комитете на самом деле участвовал представитель СССР и НацКомитета—Прохоров—и он не возражал! Его письма шли через Стекловский 1й отдел. Он наверное, не голосовал за Гришу,—ведь это было бы против дисциплины —ведь Понтрягины и Яблонские подымут скандал, когда узнают. Прохоров не скандалил, не возражал, никто его и не вспомнил потом. Его письма остались в секрете в 1м отделе Стекловки, судя по всему их и не показали Понтрягину. Это забавно. Так что весь этот скандал был затеян не для Гриши, а чтобы мерзость положить на одного Понтрягина задним числом, точнее чтобы он сам ее на себя положил. Насколько я знаю, главный скрытый кукловод—покровитель Виноградова— умер весной 1978 года, и нужно было уходить от ответственности— и за провал Конгресса, и за травлю физиков. Люди типа Виноградова любили доносить, травить административно когда начальство поддерживает, но делали это за закрытыми дверями, так, чтобы общественность в мире не могла это доказать. Да она и вообще наивна. Понтрягин же публично скандалил, не спрашивая,—возможно конъюнктура поменялась,— не стесняясь или не видя позорности, нередко невпопад, по инерции.

Брежнев же сделал ставку на физиков в середине 1970х. Ему был нужнее атомный подводный флот тогда больше, чем мелкие скандалисты и пакостники! Они тоже нужны, но в другом статусе, их достойном. Кроме того, им нужно сразу замолкать, если начальство дало понять. Виноградов всегда избегал публичных криков, а Понт нет. Он ничего не понимал, даже принципа, что вурдалак должен пить кровь в темноте.

Лебовиц, тогда президент Бостонской академии, посещал вскоре СССР. В Москве он зашел в семинар рефузников. Соломон Альбер там был и с

ним беседовал. Он мне рассказал следующее. При встрече с президентом АН СССР физиком Александровым Лебовиц рассказал о поведении математиков и об истории с Маргулисом. У Гриши не было политических грехов, он не был ни рефузником, ни подписантом в отличие от меня в 1970 году, имел все характеристики по месту работы. Его преследовал только Нацкомитет, то-есть Виноградов—просто как еврея, и все. Вина его была только в том, что ему присудили Медаль Филдса. В общем, Брежнев лично не особенно одобрял такого демонстративного поведения с полностью лояльными гражданами, даже евреями. Злобных скандалистов он и сам опасался. Но математики, Виноградов и иже с ним, были здесь "впереди планеты всей" при поддержке какой-то самой темной части власти, но скандалисту и крикуну, не умеющему замолчать, административной дороги не было. Александров вызвал генерала КГБ начальника 1го отдела академии Карасова и спросил его. Тот ответил: **Во всем виноват Понтрягин, и только он один.** Видимо, Виноградов подтолкнул Понтрягина к скандалу якобы от имени Нацкомитета, но письменных решений не было, Понтрягин выглядел как скандалист по личной инициативе.



## 2. Понтрягин и смерть Петровского. Сахаров.

Петровский умер 17 февраля 1973 года после министерского совещания в помещении ЦК, ожидая свою машину. Утром того дня его посетил сердитый Сахаров, падчерицу которого отчислили с заочного юридического факультета используя незначительный формальный повод с датами сдачи экзаменов, по которому других никогда не отчисляли, особенно с заочного. Вероятно, разговор был Петровскому неприятен. Когда пришло известие о смерти Петровского, в его ректорском кабинете стало собираться воронье. Пришел Протопопов, секретарь Парткома МГУ, хитрый тип с высокими связями тогда. Он делал карьеру на враждебных Петровскому силах, но был осторожен. Среди других был и П.С. Александров, зав. Отделением Математики мехмата, близкий Петровскому. Ситуация была тяжелая для них с Колмогоровым, все держалось на Петровском. Административные лидеры математики АН СССР поддерживали поток политических доносов на Колмогорова и мехмат.

Общий тон беседы в кабинете Петровского был таков: этот мерзавец Сахаров убил нашего дорогого. П.С. сделал две вещи: Первое: Он сказал, что выскажет письменно Сахарову свое пфе как академик академику. Второе: он позвонил Понтрягину и высказал ему свое возмущение Сахаровым. Несомненно, он действовал как сыновья лейтенанта Шмидта в кабинете начальника, кажется, горисполкома в Золотом Теленке: они показывали свои псевдодокументы на самом деле не друг другу, а начальнику. П.С.—гений в таких делах—несомненно возмущался для Протопопова и при этом на публике. Хоть тот и недружествен, но опытен: скрыть нельзя, обязан доложить выше, что академик П.С.—правильно мыслит, что снизит цену доносного потока Виноградова и иже с ним против мехмата.

Я пришел в Президиум АН в эти дни, чтобы назначить встречу с Боголюбовым. Он был академик-секретарь Математики, но ничего не решал при Президенте Келдыше. Они с Ванькой Виноградовым вывели меня из Ученого Совета Стекловки в ярости как наказание за письмо в Ленинский Комитет вместе с А.Д. Александровым и А.А. Марковым о ничтожности старческих работ Виноградова, за которые он отоваривался Ленинской Премией за 1972 год. Было там и жульничество—письмо хотели скрыть, но Петровский его зачитал. Ленинскую Премию Начальник ему пробил, но пришел в ярость, вероятно, что его поймали на мелком жульничестве. Академическое начальство утвердило новый Ученый Совет Стекловки без меня, хотя это противоречило Уставу Академии (я

уже был член-кор).

Боголюбов в Москве отсутствовал, он был в Дубне. Встречу с ним назначили на 1 февраля. Вбегает возбужденный зам Боголюбова Алик Жижченко. Забегали секретарши и референтки начальников: Только что на столе у Первого Вице-Президента Миллионщикова раздался звонок. Говорит академик Понтрягин. Этот мерзавец Сахаров убил нашего дорогого Петровского. Я требую суда чести над ним.

Мы с Аликом захохотали. Все мы знали о тяжелой ссоре Понтрягина с Петровским. Понт прямо кричал против Петровского на Отделении Математики. Миллионщиков несколько брезгливо ответил, что звонок не по адресу: Понт и Сахаров члены Секции ФизМат Наук, ее главой является Вице-Президент Котельников, к нему и надо обращаться.

Прихожу 1го февраля. Боголюбов на совещании у Вице-Президента Котельникова. Жду. Он приходит и извиняется. Знаете, какой вопрос обсуждался? Понтрягин требовал суда чести над Сахаровым, который убил его дорогого Петровского, решили скандал не возбуждать—тут Боголюбов подмигнул—все мы знали как Понт выражал публично свою ненависть к Петровскому. Я впервые почувствовал презрение к Понту. Если бы он сказал, что Сахаров вообще-то мерзавец, но один раз сделал хорошее дело, я бы считал его монстром, но не презирал. Оказывается, ты—жалкий трусливый гбшный подлизун—подумал я. Многие считали, что ты смел, говоришь то, что думаешь. Низко ты пал!

Позднее, когда гбшники от математики его сдали, Понт несколько восстановил собственное достоинство, в отместку им стал меня поддерживать в академики, но остался навсегда общественным антисемитом. Видимо, этот переход необратим.

Боголюбов сказал, что он поговорит с начальством об Ученом Совете, дав понять, что шансов мало на его согласие, и добавил: А вы не огорчайтесь, всего есть 3 члена Академии, не состоящие в Ученых Советах по основному месту работы: Лысенко, Сахаров и Вы. Это большая честь. С этой беседы и завязалась моя дружба с этим великим ученым—Боголюбовым. А ученый Совет Виноградова меня не волновал, я уже входил с совет у физиков.

Мой друг, близкий к П.С.Александрову, говорил мне, что он видел ответ Сахарова, так что письмо академика академику было. Это письмо было, как он сказал, неинтересным. Сахаров очень хвалил свою пвдчицу, а в конце заметил, что Петровский—это был очень тяжело больной человек, и все. П.С. был умнейшим человеком, знатоком душ, и несо-

мненно понимал, когда звонил, какова будет реакция его ультраталантливового слепого ученика с эмоциями крокодила. Подобным же звонком П.С. побудил его написать свое жизнеописание к 70-летию, ставшее образцом глупого скандализма, способствовавшее отречению властей от Понтрягина, сделать его показательным автором травли всякого рода.

Понтрягин и Болтянский. Принцип Максимиума Понтрягина.

Играл ли Болтянский роль в развитии антисемитизма Понтрягина?

В середине 50х годов инженер-теоретик Фельдбаум прочел в семинаре Понтрягина около 5 лекций, рассказав о так называемой Control Theory. Видимо, он привел несколько решенных ими задач. Понтрягин указал, что во всех них есть общее место, выделил его и назвал Принципом Максимиума. Это им понравилось, он опубликовал работ (на Фельдбаума не сослался). Новых моделей Понт не решал, да и весь его круг. Они доказывали теоремы о решенных другими примерах, но как общие теоремы. Возник уже тогда термин Принцип Максимиума Понтрягина. Строгое доказательство в общем виде задержалось. Кто-доказал для линейных систем и т д. Болтянский завершил полное доказательство. У них это был серьезный успех. На Ленинскую Премию Понтрягин отказался выдвигаться без учеников, в частности без Болтянского, как предлагали околониноградские антисемиты. Премия была присуждена в 1961 году вместе с учениками, включая Болтянского.

Вскоре Болтянский сбрендил и стал организовывать пропаганду в 1960гг, чтобы Принцип Максимиума стал называться Принципом Максимиума Болтянского. К сожалению, он использовал для этого своих дружок, среди которых был ряд евреев—например, братья Ягломы (особенно Акива—он был талантлив, но агрессивен, брат был скромнее) и их круг. Они и их друзья носились по Москве, агрессивно воюя за Болтянского. Я здесь прямой свидетель. Надо сказать, что наш семинар юных топологов и около того—Аносов, Авербух, Ивановский, я и примкнувшие к нам Фукс, Галя Тюрина и Виноградов— презрительно относились к Болтянскому. Он не понимвл новую замечательную алгебраическую топологию, в отличие от Постникова и Шварца. Новая Топология тогда стояла в центре математики. Рохлин даже сказал мне тогда: вы зря презираете Болтянского. Я ответил: в его докторской просто переписана кандидатская. Рохлин сказал: но для начала 50х кандидатская было неплохой. Он был неплохой юный тополог в 40х. Я пожал плечами, современность в топологии Болтянский не понимал, низкий уровень докторской для меня был приговором тогда. Стою у лифта в 1964 году на 14 этаже мехмата, подходит Гирсанов, хороший математик колмогоровского круга, ровесник Синая. Гирсанов был жутко самоуверен. Мы разговорились. Он все

толковал мне, что Понтрягин—это ничто, Болтянский—все. Я говорю—ну уж топологию то мы знаем. Он говорит: наверное, и в топологии на самом деле за всем стоит Болтянский. Я захохотал. Если его не оскорбить—думаю, он меня не поймет. Я сказал ему: что у Вас за наука такая? Это очень низкий интеллектуальный уровень, если Вы не можете отличить орла от петуха. Гирсанов ушел. Его реакцию я не знаю: он очень скоро погиб в походе.

Ссора привела к изгнанию Болтянского из Стекловки. Позднее уже в конце 1980х я взял его обратно в отдел геометрии уже новой Стекловки. Он был хороший геометр, хоть и агрессивный дурак. Кто-то же должен и таким помочь! Когда Болтянский работал в Институте Гвишиани, а я в Ландау, я его спас. Директор института Ландау Халатников говорит мне: Гвишиани дал мне работу опровергателя Эйнштейновской гравитации, посмотрите ее. Будем писать отрицательный отзыв. Кто это—спросил я. Некий Болтянский—сказал Халат. Дайте мне ее—сказал я. Я уговорил Болтянского ее забрать, хотя и не убедил. Это было чудью, чистые математики не знают зачастую, что такое вообще физическая теория. Это было много ниже опровергателей группы Логунова. Если бы он не забрал, у него были бы большие трудности на работе. Говорят, что Болтянский и сейчас в Мексике воюет за Принцип Максимума.

Было ли поведение Болтянского причиной перехода Понтрягина в антисемитский лагерь? Неблагодарны бывают не только евреи. Сам Понт тоже. Я думаю, он вычислил свое поведение, он безумно жаждал общественной карьеры карьеры. Прочие чувства играли тут малую роль. Понт не эмоционален. Он не хорош и не плох, как крокодил. Он был замечательно талантлив, и пользовался евреями, пока работал в науке. Начав карьеру в администрации, он холодно вычислил, что ему выгодно. С книгой Акивы Яглома (наверное, хорошей) Понт свел счета в РИСО позднее, попутно утопив Розанова.. Акива громко возмущался этим актом антисемитизма, забыв о своем участии в антипонтрягинской пропаганде Болтянского в 1960х. Понт совершил немало антисемитских действий, но это к ним не относится.